

К Р О К О Д И Л

ЦЕНА 30 КОП.

к 556

19

(К. Петов)

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

№ 3

КУЛАК: — Пусть он меня и дальше таким изображает. Ему
неведомек, что я гораздо т о н ь ш е...

Москва. Январь 1933 г.

ДЕРЕВЕНСКАЯ АЗБУКА

(Для обучения малых партребят)

*Мы сдали хлеб. Миша не сдал хлеба.
Миша мурр Маши. Отец Иван отец
Маши. Отец Иван был поп Миша
называет попа папа*

*Мы читаем. Паша не читает. Па-
ша плохо видит. Паша не видит
жулана. Паше поставили на вид. У
Паши вид незавидный.*

ШАЛУН ПЕТЯ

Петя — большой баловник. Его избаловал Павел. Павел поставил Пете петуха Петьку. Петя поел Петьку и выпил половинку у Павла. Павел получил поручительство Пети. Песенка Пети спета.

Русская поговорка:

Не двурушничай, дядя!

ВОПРОСЫ:

Если молча взирать на птиц, которые не сеют, не жнут, — не будешь ли сам вороной?

ЗАДАЧИ: 1. На мельнице Мельтреста лежат в незапертых помещениях: 1) директор т. Иванов на диване, 2) семьсот тонн несданного государству гарница.

Спрашивается, когда они будут под замком?

2. Четвертого числа поручен бывшему кулаку уход за колхозными лошадьми. Спрашивается, к какому числу он их уводит?

ОСЕНЬ

Поздняя осень. Грачи улетели...
Заготзерно не сползает с постели.
И хоть в районе не мало зерна, —
Заготзерно не проснется от сна.
Кажется, шепчут колосья сердито:
„Как бы не сперли зерно кулаки-то!
Заяц нас топчет и буря нас бьет.
Где же наш агент? Чего еще ждет?“
Ветер несет им печальный ответ:
„Вашему агенту моченьки нет, —
Нынче он зван к кулаку на крестины,
Завтра — на свадьбу и на именины.“

Б. Самсонов

Я сидел у себя в управлении и скучал. То-есть, собственно, следовало не скучать, а составить срочную инструкцию об использовании старой тары, и я даже написал начало первой фразы: „Принимая во внимание“... Но принять в него на данном отрезке моего служебного времени было нечего, и работа приостановилась.

Я скучал... Моя рука продолжала между тем водить пером по бумаге. Руководимое перо приделало к „Принимая во внимание“ росчерк, затем вычертило какую-то загогулилку, затем вставило в нее кружочек, пририсовало к ней штрипки и черточки, — и, короче сказать, я сам не заметил, как на бумаге отпечатлелась законченная птичка. Очень хорошая птичка. Такая, каких рисовали в старину на поздравительных открытках. Верней всего — ласточка или, наоборот, голубок.

Тут мне вспомнилось, что в детстве я выделялся среди окружающих большими способностями к рисованию. И стало мне грустно. Я подумал:

„О чем же я думал за последние тридцать пять лет? Ведь за такой срок я тоже мог бы стать заслуженным художником. Ходили бы ко мне в гости критики и культурные знакомые. Висели бы у меня на стенах красивые пейзажи и портреты вождей собственного изготовления. Был бы крупный гонорар, и была бы всесоюзная известность. И, возможно, пригласили бы даже на международную выставку“.

Но сейчас же мне стало стыдно за подобные мысли. Их шкурнический характер не подлежал никакому сомнению. От них отдавало жуткою бездейностью.

„Хорош гусь! — уязвил я себя. — То-то и потянуло тебя на птичку. Нет, дорогой товарищ, уж если хочешь быть художником революции, то ты шкурные и эстетские поползновения оставь, а рисуй, что надо! Не знаешь, что надо?.. Ой, знаешь!.. Ты не птичку и не пейзажик, — ты попробуй-ка ударника нарисовать! Ну-ка, попробуй!“

И, беспощадно разорвав гнусную птичку на несколько частей, я приступил к ударнику.

На него ушло около трех часов кропотливого труда. Но зато ударник получился совершенно потрясающий и очень наглядный.

Он стоял у станка, сжимая в руке большой гаечный ключ. На его суровом лице и в его плотно стиснутых губах читалась непреклонная решимость перевыполнить задание на пятьдесят процентов. Глаза смотрели с железной целеустремленностью, и в то же время мне удалось придать их уголкам что-то мечтательное, как бы предвешение новых грядущих побед.

Но это еще не все. Я обдумал и предусмотрел даже мелкие и второстепенные детали. Щеки ударника были покрыты щетиной, потому что, когда ж ему было думать о бритве?.. Из-под прозодежды выглядывали рваные брюки, потому что ударнику не до забот о костюме. Чрезвычайно ценные, характерные штрихи, уводящие от ходульности и схематизма!

В общем работа моя очень меня удовлетворила. Не мешало бы, может быть, еще чуточку подвз'ерошить ударнику волосы, — но вошел предместкома Федоров, парень из рабочих от станка, и спросил:

— Ну, так как же насчет сверхурочных?
— Оплатили, — сказал я. — Кстати, я хочу тебе кое-что показать. Ты от станка, ты в этом разберешься. Посмотри-ка, что я тут между делом накарябал...

Федоров взял картинку и одобрительно улыбнулся:

— Здорово. Да ты не врешь? Откуда в тебе такие таланты?

— Обнаружились вот, — скромно сказал я. — Ну как, в самом деле, не плохо?

— Замечательно! — похвалил Федоров. — Очень хорошая агитация. А постой: разве ты бывал на нашем заводе? Ну, ни дать ни взять!..

— Что ни дать ни взять?

— Ни дать ни взять — наш Сенька Филатов. Лодырь известный. Прогульщик. Теперь-то, небось, уж выгнали!

Я хотел что-то выговорить, но у меня почему-то не выговорилось ничего. А Федоров, взгляды ваяясь в рисунок, продолжал:

— Ну, скажи на милость: что значит художник! С таким талантом тебе разве здесь надо сидеть? Сам погляди: никаких подписей, а понятно все так, словно в книжке читаешь! Видно ж — человеку смерть хочется опохмелиться, а не на что! Оттого и злится, даже губы сжал. Злится, а тем временем ключ гаечный ухватил: спереть думает и загнать на предмет опохмеляя!.. И сопрет, сразу можно сказать, что сопрет!

— Сразу можно сказать?.. — не очень обрадованно переспросил я.

(Продолжение на след. стр.)

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

— Ну, какой следующий пароход у нас „по-дождут коммунисты“?..

— А нужно посмотреть, какой на большую сумму застрахован.

Капиталисты жгут свои корабли для получения премий и приписывают эти пожары коммунистам.

Ч А Я Щ И Е

— Сразу! В уголки глаз ты чего-то ему подпустил. Взгляд сердитый, а в уголках словно будто мерцание: видно, что уж предвкушает он водичку!

— Предвкушает...

— Ну, да. И тут уж аминь: простись, завод, с гаечным ключиком!.. Да нет, что и говорить, замечательная картинка! Все правильно. И щеки небритые: пьяницы не до этого. И худящий и штаны в дырах: лодырь много ли зарабатывает? Нет, молодчина ты, брат!

— М-да,— сказал я.— Ну, я все-таки... как по твоему за ударника его нельзя принять?

— Ну, что ты! — успокоительно произнес Федоров.— Разве ударники такие?

— А какие же?

— Ну, как какие! Во-первых, ударник хорошо зарабатывает: чего ж ему в таком бедняцком виде быть? Во-вторых, по какой же причине угрюмость такая в ударнике?

А может быть... это не угрюмость, а такая, знаешь, железная решимость!

— Какая решимость? С моста да в прорубь? Ударники, брат, не на плохие дела решаются, решимость у них веселая. Они, брат, бодрый народ, боевой, ударники-то!

— Ну, я все-таки... Ведь ударников очень много. Не все ж одинаковые. Хоть один-то может такой вот попасться?

Федоров задумался:

— Что ж... Конечно, все может быть. Только кто ж про это станет рисовать? И при чем тут ударничество?

Я вздохнул:

— Да-а... Нелепость, конечно. Маловероятное стечение обстоятельств. Ну, а... если взять да и подписать под моей картинкой: „Ударник“?

— Подписать все можно, — сказал Федоров. — Можно, только отчаянная контра получится. А картинку ты мне дай для стенгаза: очень хорошая пропаганда!

Я отдал картинку, взял чистый лист бумаги и начал писать:

„Принимая во внимание недостаточное количество новой тары и в то же время крайне бесхозяйственное отношение к старой, еще пригодной для использования, предлагается...“

Это спокойнее. А искусство — ну его! Сложная вещь!

Н. ГРАМЕН

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ДАРОМ, ЧТО ПРОКУРОР

У нас прокуроры не отличаются от прочих граждан. В трамвае прокурор проехался, — плати 10 копеек. Покушал, — опять велят платить, нето криков и неприятностей не оберешься. Даром, что прокурор.

Мы знаем одного прокурора, который за телефон не заплатил. Ну, может быть, забыл или подумал: дескать, я — прокурор, чего я буду зря деньги перегонять. Одним словом, взял и не заплатил. Пять месяцев не платил. Прямо не налюбуются на человека. А ему, знаете, взяли и выключили телефончик.

Про этот факт нам пишут в высокохудожественном стиле:

„Я вас посажу, — так заявил в трепете Лотшанский прокурор т. Бычков, убежав в РОС связи.“

С мая месяца им не уплачивается абонентная плата. Телефонистка Симонова ответила, что ей велел заведующий выключить. Но прокурор кричал: — Вы знаете с кем имеете дело. Я вас посажу“.

Честное слово, не важно живется прокурорам. Ну, покричит, покричит: посажу, да посажу. Сам не посадит, а денежный расход тот же. Да еще неприятности получит за свои крики. Сочувствуем прокурору. Но помочь ничем не можем. Надо платить.

ВРАЧЕВАНИЕ И ПСИХИКА

Конечно, это бывает. В другой раз заболит зуб. Ну, смотаешься врачу. Врач выдернет зуб, а не тот. Выдернет другой, ах, опять не тот. Покуда доберешься до того, ах и зубов не осталось, кроме его одного.

Потому медицина — наука не точная. Пес его знает, где у кого и чего болит.

Нам пишут из Белоруссии (Городок):

„12 ноября врач Буктшаев установил больному диагноз — аппендицит. А когда больного положили на операционный стол, — врачи признали воспаление легких“.

Тут, еще заметьте, наука не растерялась. Во время спохватилась.

Мы думали хуже. Мы думали, — больного разрезали, а потом наглядно убедились, что не то болит. А это очень культурно получилось. В некотором роде даже торжество науки. Приветствуем врача, но лечиться к нему не поедим.

**Есть тип людей вполне советских с виду,
В открытую — они не предадут,
Но, как занозу, затаив обиду,
Они всегда чего-то смутно ждут.**

**Попробуйте спросить про это „что-то“,
Попробуйте заставить их сказать,
Чего хотят они войны? Переворота?
И вмиг испуг запляшет в их глазах!**

**— „Помилуйте, голубчик! Что вы! Что вы?!
Как вы могли подумать о таком?!“
И — ваша репутация готова:
Теперь для них вы сделали врагом.**

**И всем друзьям шепнувши новость эту,
Они, как прежде, будут жить и ждать...
На ваш вопрос — вам не дадут ответа,
Но ваш вопрос — запомнят навсегда.**

**Листы газет по-своему толкуя,
Любой декрет читая между строк,
Побед — не видя, промахи — смакуя, —
Они чему-то будут ставить сроки**

**— „Весной, наверно, что-нибудь случится!“...
— „Поверьте, летом будет кутерьма!“...
Летит весна, галопом лето мчится, —
И новый срок готов у них зима.**

**Они не скажут вам своей программы,
У них всегда язык на трех замках,
И не поймешь, какая мысль упрямо
Таится в ожидающих зрачках.**

**Но приглядитесь зорче и копните
Их прошлое, привычки и уклад, —
И станут сразу видимыми нити,
Которые людьми руководят.**

**Глядишь, — один сын прасолов богатых,
Другой салонным адвокатом был,
Тот — не забыл, что князем был когда-то,
А этот — особняк свой не забыл.**

**Встречаются пружинки и попроще
Здесь — вспоминают собственный кабак,
Там — высланы на север зять и теща,
Тут — раскулачен деверь и свояк.**

**И гражданин, грозящийся попомнить
Обиды прошлые большевикам,
Окажется женатым на попоне
Иль сыном синодального дьячка.**

**И сразу эти „люди ожидания“
Раскроются в содружестве своем, —
Явивши взору старое сознание,
Озлобленное новым бытием.**

**В написанной программе этих „ждуших“
У каждого есть пункт — „для себя“,
Чтоб помешать успеху дней грядущих,
О прошлых днях вздыхая и скорбя.**

**Стремясь свои переиначить судьбы;
Ища вокруг спасителей любых,
Они окулят — „Пожить бы, отдохнуть бы
От темпов, напряженья и борьбы“.**

**Они как-будто просты и наивны, —
Но горе тем, кто с ними стал шутить, —
Они бывают дерзки и активны
И мертвой хваткой могут захватить.**

**Наивность их обман. Глядите в оба!
В печонки им впаялась и выросла
Глухая, затаившаяся злоба,
Как пузыри в тугую гладь стекла.**

**Вот почему, читая телеграммы,
О том, что где-то портят и крадут,
Неписанную вижу я программу,
Людей, которые всегда чего-то ждут.**

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

(Л. Генич)

1. Кулак Еремин был изгнан из колхоза как чуждый элемент...

2. ...но остался его кум и друг Таенков...

3. ...а у нума Таенкова была дочь Маруся...

4. ...жена счетовода Балашова...

5. ...двоюродного брата председателя Карманова.

6. Поэтому-то Еремин, будучи изгнан из колхоза, чувствовал себя вообще не плохо.

НОВОСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА

„Тыква — единственный с'едобный представитель семейства апельсинов, разводимый на севере. Ей можно отдать предпочтение перед малиной, в качестве корма для коров, как более сытной и столь же питательной“.

„Свиной предлагаю кормить конским навозом, каковой весьма полезен в смысле калорийности и позволяет целиком использовать пропадающие внутренние ресурсы“.

— Знаем, знаем, — отмахнется хитрый читатель, — читали. Это старик Марк Твен пишет в своем знаменитом сочинении: „Как я редактировал сельскохозяйственную газету“.

Ага, вот и ошиблись, уважаемые, читатели!

Насчет тыквы, действительно, Марк Твен писал, а вот насчет конского навоза как наиболее ценного корма для свиней сообщил изумленному потомству не кто иной, как товарищ Антонов, директор Ейского птицеводческого совхоза.

И не только сообщил теоретически, но и предписал кормить свиней практически и неуклонно.

В результате чего несознательные свиньи, конечно, и переродились.

И ничего удивительного в этом нет. Свиньи малограмотные, Марка Твена не читали и насчет пользы невежества в сельском хозяйстве им ничего неизвестно.

ПОКЛОННИК ГЕТЕ

„Остановись, мгновенье, ты прекрасно!“ — идеалистически воскликнул некогда доктор Фауст.

Точь в точь то же самое воскликнул недавно Воронежский горкомхоз. Но, в противность Фаусту, немедленно претворил это беспредметное желание в жизнь. А именно — остановил единственные воронежские городские часы, которые стоят две недели на двадцати пяти минутах седьмого.

ОТЧЕТ ИВАН СЕМЕНЫЧА

Заш предколхоза Трулаков,
Покончивши со сметою,
Разит нещадно кулаков,
Склонившись над газетою.
— Пусть знают все, что грудь моя
Полна непримиримости,
И кулаков сушею я
Метлой железной выместю!..
Иван Семеныч, строгий вид
Придавши своему лицу,
Свой кабинетик сторожит,
Не кажет глаз на улицу.
Но Трулаков в работе рьян,
Ни капельки не ленится:
Он в первый день к своим дверям
Приклеил объявление.
Он монолитность дал отрокам
В короткой публикации:

П Р И К А З

Явиться кулакам
Ко мне для регистрации!
Войти ко мне, убрав живот, —
Как на учебный плац итти!
Я утром принимаю — от
Восьми и до двенадцати!

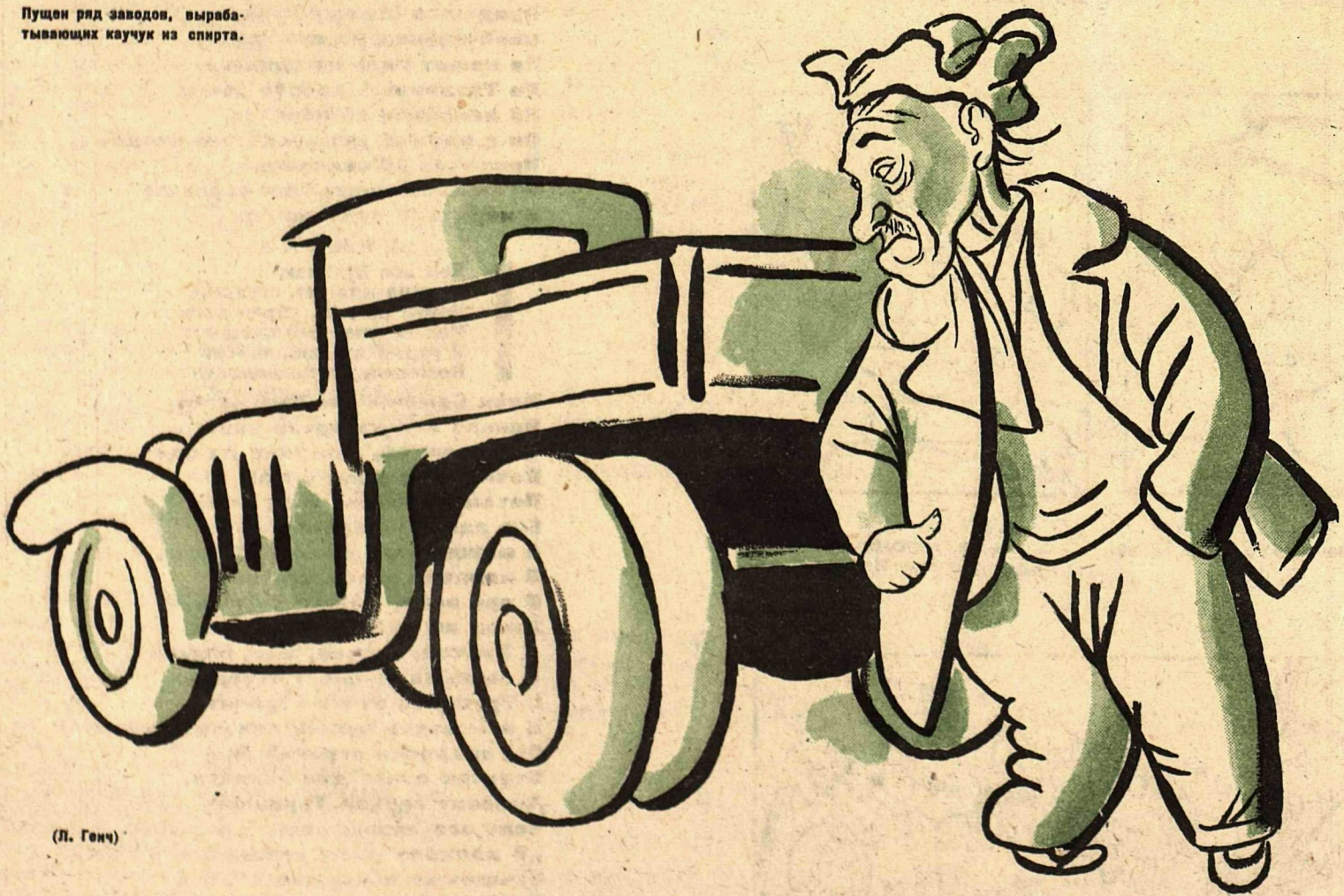
Иван Семеныч не был прост, —
Приказ его заверчен как!..
С восьми он, заступив на пост,
Почитывал Аверченко!
Потом осмотрит горизонт, —
Его здесь не запарили!..
А между тем, посевный фонд
В колхозе разбазарили!
И про войну пошел слухок, —
Успел им кто-то потчевать!
— Хватай, скорее, мол, мешок
И сыпь за солью в очередь!..
А Трулаков отчет строчит, —
В нем стиль сухой, как вобла, стиль!
Он, сохраняя строгий вид,
Строчит отчет для области.
Донбит срочно Трулаков,
Чело его напряжено:
„В колхозе мною кулаков
Отнюдь не обнаружено“.
Так в кабинете кулака
Он ждет с утра и до ночи.

.....
Кулак узнал издаലെка
Таких Иван Семенычей!

СПЕНУЛЯНТ: — Какая волокита с выдачей паспортов. Пятый раз хожу и пятый раз категорически отказывают.

Пущен ряд заводов, вырабатывающих каучук из спирта.

(Л. Генч)

ОДИН ИЗ МНОГИХ

— Эх, сколько водки зря испортили...

Л
И
Д
О
Ж
О
Р
Ж

БЕСПОКОЙНЫЙ СТАРИЧОК

У нас в Ленинграде один старичок заснул летаргическим сном.

Год назад он, знаете, захворал куриной слепотой. Но потом поправился. И даже выходил на кухню ругаться с жильцами по культурным вопросам.

А недавно он взял и неожиданно заснул.

Вот он ночью заснул летаргическим сном. Утром просыпается и видит, что с ним чего-то такое неладное. То-есть, вернее, родственники его видят, что лежит бездыханное тело и никаких признаков жизни не дает. И пульс у него не бьется, и грудка не вздымается, и пар от дыхания не садится на зеркальце, если это последнее приподнести к ро-тику.

Тут, конечно, все соображают, что старичок тихо себе скончался и, конечно, поскорей делают разные распоряжения.

Они торопливо делают распоряжения, поскольку они всей семьей живут в одной небольшой комнате. И кругом — коммунальная квартира. И старичка даже поставить, извините, некуда, — до того тесно. Тут поневоле начнешь торопиться.

А надо сказать, что этот заснувший старикан жил со своими родственниками. Значит, муж, жена, ребенок и няня. И вдобавок он, так сказать, отец, или проще сказать, папа его жены, то-есть ее папа. Бывший трудящийся. Все, как полагается. На пенсии.

И нянька — девчонка 16 лет, приня-тая на службу на подмогу этой семье, поскольку оба два — муж и жена, то-есть дочь его папы или, проще ска-зать, отца — служат на производстве.

Вот они служат и, значит, под утро видят такое грустное недоразумение, — папа скончался.

Ну, конечно, огорчение, расстройство чувств: поскольку небольшая комнатка и тут же лишний элемент.

Вот этот лишний элемент лежит те-перь в комнате, лежит этакий чистенький, миленький старичок, интересный стари-чок, не могущий думать о квартирных делах, уплотнениях и дрызгах. Он лежит свеженький, как увядшая незабудка, как скушенное крымское яблочко.

Он лежит и ничего не знает, и ничего не хочет, и только требует до себя последнего внимания.

Он требует, чтоб его поскорей во что-нибудь одели, отдали бы последнее „прости“ и поскорей бы где-нибудь за-хоронили.

Он требует, чтоб это было поскорей, поскольку все-таки одна небольшая ко-мната и вообще стеснение. И поскольку ребенок вякает. И нянька пугается жить в одной комнате с умершими людьми. Ну, глупая девчонка, которой охота все время жить, и она думает, что жизнь бесконечна. Она пугается видеть трупы.

Муж, этот глава семьи, бежит тогда поскорей в районное бюро похоронных процессий. И вскоре оттуда возвра-щается.

— Ну, говорит, все в порядке. Только маленько с лошадьми зацепка. Колесни-цу, говорит, хоть сейчас дают, а лоша-

дей раньше, как через три дня, не обе-щают.

Жена говорит:

— Я так и знала. Ты, говорит, с моим отцом завсегда при жизни цара-пался и теперь не можешь ему сделать одолжения — не можешь ему лошадь достать.

Муж говорит:

— А идите к чорту! Я не верховой, я лошадьми не заведу. Я, говорит, и сам не рад дожидаться столько времени. Очень, говорит, мне глубокий интерес все время твоего папу видеть.

Тут происходят разные семейные сце-ны. Ребенок, не привыкший видеть не-живых людей, пугается и орет благим матом.

И нянька отказывается служить этой семье, в комнате которой живет покой-ник.

Но ее уговаривают не бросать профес-сию и обещают ей поскорей ликви-дировать в комнате смерть.

Тогда сама мадам, уставшая от этих делов, поспешает в бюро, но вскоре возвращается оттуда бледная, как по-лотно.

— Лошадей, говорит, обещают не скоро. Если б мой муж, этот дурак, оставшийся в живых, записался, когда ходил, тогда через три дня. А сейчас мы уже шестнадцатые на очереди. А коляс-ку, говорит, действительно, хоть сейчас дают.

И сама одевает поскорей своего ре-бенка, берет орущую няньку и в таком виде едет в Сестрорецк — пожить у сво-их знакомых.

— Мне, говорит, ребенок дороже Я не могу ему с детских лет показывать такие туманные картины. А ты как хо-чешь, так и делай.

Муж говорит:

— Я, говорит, тоже с ним не оста-нусь. Как хотите. Это не мой старик. Я, говорит, его при жизни не особенно долбил, а сейчас, говорит, мне в особенности противно с ним вместе жить. Или, говорит, я его в коридор поставлю или я к своему брату перееду. А он пушай тут дожидается лошадей.

Вот семья уезжает в Сестрорецк, а муж, этот глава семьи, бежит к своему брату, который живет сам-шост в од-ной комнате.

Но у брата в это время всей семьей происходит дифтерит, и его нипочем не хотят пускать в комнату.

Вот тогда он вернулся назад, положил заснувшего старичка на узкий ломбер-ный столик и поставил это сооружение в коридор около ванной. И сам закрыл-ся в своей комнате и ни на какие стуки и выкрики не отвечал в течение двух дней.

Тут происходит в коммунальной квар-тире сплошная ерунда, волынка и не-разбериха.

Жильцы поднимают шум и вой.

Женщины и дети перестают ходить куда бы то ни было, говорят, что они не могут проходить мимо без того, чтобы не испугаться.

Тогда мужчины нарасхват берут это сооружение и переставляют его в пе-

реднюю, что вызывает панику и заме-шательство у входящих в квартиру.

Заведующий кооперативом, живущий в угловой комнате, заявил, что к нему почему-то часто ходят знакомые жен-щины и он не может рисковать ихним нервным здоровьем.

Спешно вызвали домоуправление, ко-торое никакой рационализации не внесло в это дело.

Было сделано предложение поставить это сооружение во двор.

Но управдом решительно заявил:

— Это, говорит, может вызвать не-здоровое замешательство среди жиль-цов, оставшихся в живых, и, главное, невзнос квартирной платы, которая и без того задерживается, как правило, по полгода.

Тогда стали раздаваться крики и угрозы по адресу владельца старичка, который закрылся в своей комнате и сжигал теперь разные стариковские ош-метки и оставшееся ерундовое имуще-ство.

Решено было силой открыть дверь и водворить это сооружение в комнату.

Стали кричать и двигать стол, после чего покойник тихонько вздохнул и на-чал шевелиться.

После небольшой паники и замеша-тельства жильцы освоились с новой си-туацией.

Они с новой силой ринулись к ко-мнате. Они начали стучать в дверь и кри-чать, что старик жив и просится в ко-мнату.

Однако запершийся долгое время не отвечал. И только через час сказал:

— Бросьте свои арапские штучки. Знаю, — вы меня на плешь хотите пой-мать.

После долгих переговоров владелец старика попросил, чтобы этот послед-ний подал свой голос.

Старик, не отличавшийся фантазией, сказал тонким голосом:

— Хо-хо...

Этот поданный голос запершийся все равно не признал за настоящий.

Наконец он стал глядеть в замочную скважину, предварительно попросив по-ставить старика напротив.

Поставленного старика он долгое вре-мя не хотел признать за живого, говоря, что жильцы нарочно шевелят ему руки и ноги.

Старик, выведенный из себя, начал буянить и беспощадно ругаться, как бывало при жизни, после чего дверь открылась, и старик был торжественно водворен в комнату.

Побранившись со своим родственником о том, о сем, оживший старик вдруг за-метил, что имущество его исчезло и ча-стично тлеет в печке. И нету раскидной кровати, на которой он только что изво-лил помереть.

Тогда старик, по собственному почину, со всем нахальством, присущим этому возрасту, лег на общую кровать и ве-лел подать ему кушать. Он стал ку-шать и пить молоко, говоря, что он не посмотрит, что это его родственники, а

(Продолжение на следующей стр.)

ПОЛУОСТРОВ РАЗОЧАРОВАНИЙ

Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит.

подаст на них в суд за расхищение имущества.

Вскоре прибыла из Сестрорецка его жена, то-есть его дочь, этого умершего папы.

Были крики радости и испуга. Молодой ребенок, не вдававшийся в подробности биологии, довольно терпимо отнесся к воскрешению. Но нянька, эта шестнадцатилетняя дура, вновь стала проявлять признаки нежелания служить этой семье, у которой то и дело то умирают, то вновь воскресают люди.

И тут вдруг приехала белая колесница с факелами, запряженная в одну черную лошадь с наглазниками.

Муж, этот глава семьи, нервно глядевший в окно, первый увидел это пришествие.

Он говорит:

— Вот, папаны, наконец, за вами приехали лошади.

Старик начал плевать и говорить, что он больше никуда не поедет.

Он открыл форточку и начал плевать на улицу, крича слабым голосом, чтоб кучер уезжал поскорей и не мозолил бы глаза живым людям.

Кучер в белом сюртуке и в желтом цилиндре, не дождавшись выноса, поднялся наверх и начал грубо ругаться, требуя, чтоб ему, наконец, дали то, за чем он приехал, и не заставляли бы его дожидаться на сырой улице.

Он говорит:

— Я не понимаю низкий уровень живущих в этом доме. Всем известно, что лошади остро дефицитные. И зря вызывать их — этим можно окончательно расстроить и погубить транспорт. Нет, говорит, я в этот дом больше не езду.

Собравшиеся жильцы, совместно с ожившим старичком, выпихнули кучера на площадку и ссыпали его с лестницы вместе с сюртуком и цилиндром.

Кучер долго не хотел отъезжать от дома, требуя, чтоб ему в крайнем случае подписали какую-то путевку.

Оживший старик плевался в форточку и кулаком грозил кучеру, с которым у них завязалась острая перебранка.

Наконец кучер, охрипнув от крика, утомленный и побитый, уехал, после чего жизнь потекла своим чередом.

На четырнадцатый день старичок, простудившись у раскрытой форточки, захворал и вскоре по-настоящему помер.

Сначала никто этому не поверил, думая, что старик попрежнему валяет дурака, но вызванный врач успокоил всех, говоря, что на этот раз все без обмана.

Тут произошло совершенная паника и замешательство среди живущих в коммунальной квартире.

Многие жильцы, замкнув свои комнаты, временно выехали, кто куда.

Жена, то-есть, проще сказать, дочь его папы, пугаясь заходить в бюро, снова уехала в Сестрорецк с ребенком и ревущей нянькой.

Муж, этот глава семьи, устроился в дом отдыха. И старичок был оставлен на произвол судьбы.

Старичок лежал в комнате до тех пор, пока милиционер, прибывший на подводе, не сложил старичка и не отвез его куда следует.

После чего все понемножку начали возвращаться, и вскоре жизнь потекла, как по маслу.

Мы ехали из Москвы на север, за Полярный круг, на Кольский полуостров.

В Ленинграде нас встретило подслеповатое утро. Натужась, оно разглядывало жестяной блеск промасленных лужиц и грязную вату снега на путях, между шпал.

Подслеповатое и туманное, все же это было утро. Предпоследнее утро!

До Мурманска оставалось два дня и две ночи. Вернее, один день и одно утро, ибо все остальное после Кеми уже ночь, сплошная черная, как бархат, полярная ночь...

Это знали у нас в вагоне достоверно из корреспонденций и отдельных изданий.

Авторы изданий и корреспонденций расписывали, захлебываясь и не щадя красок и чернил, этот далекий край „непуганных птиц, неисхоженных дорог и непроходимых лесов“.

Они писали о бездонных озерах, на дне которых сидят морские спруты; о китах весом в сто двадцать шесть тонн, которые сами причаливают к пловучим докам Мурманского порта; о клюкве; о сорока сортах клюквы, что разноцветными соками брызжет из под ног следопыта; о лопарях с седым конским волосом в ноздре; о мрачном острове Кильдине, на который до составителя корреспонденции не ступала еще ни одна человеческая нога, но между прочим... строится иодный завод; и о полярных ночах писали авторы, о полярных ночах в тундре, что длятся всю зиму и все двадцать четыре часа в сутки, не более, но и не менее того.

Последнее обстоятельство особенно заботило пассажиров нашего вагона.

Железнодорожник из брянского депо темнее ночи сидел на боковой скамейке, грустил бедняга о светлых денечках, с которыми пришлось безвременно расстаться.

Мой спутник — в пимах и с дамским браунингом на ремешке под пиджаком, отважный мужчина с восприятиями пылкой девицы — размышлял:

— В Москве советовали взять побольше свечей и спичек. А я взял фонарик и две запасные батареи. Думаю, хватит. Мы ведь не надолго?

Товарищ, приспособивший свой рыжий портфель, как подушку, поднял всклокоченную голову:

— Пожалуй, побываешь в Мурманске, а Мурманска и не увидишь!

День совсем ослеп.

В фонаре мотался огонек свечи. Под колесами уже стучала железная Мурманка.

... При свете спички утром на третий день нашего путешествия мы увидели на циферблате карманных часов:

Одиннадцать без пяти.

Мгла лениво, нехотя отходила от вагонных окон.

В полдень над заснеженной землей взошла и светила... луна.

Но свет ее увядал. На востоке вспыхнула пурпурная полоска. Предметы за окном приобрели свои цвета и очертания.

— Дены! — радостно воскликнул брянский железнодорожник.

Лицо моего спутника омрачилось тенью разочарования.

Еще вчера он писал при свете карманного фонарика открытые письма в Москву своим близким. Он писал:

„Везжаем в сплошную ночь. Прощай, дены!“

И вот — здравствуйте!

... Ему не везло.

Ни взмыленных вод. Ни круч, к которым пиратскими гнездами прилепились дома. Ни дьявольских ветров. Ничего этого в Мурманске не оказалось.

На городской площади вокруг двух оленей кучились зеваки, как и у нас в Москве, в Сокольниках.

Кричала в порту сирена так, как она кричит и в Одессе, и в Керченском, и в Новороссийском портах, и на Каспийском море.

В городе и в незамерзающем круглый год порту, и на тралбазе, и в газете, и на партсобраниях говорили о селедке, самой обыкновенной будничной селедке.

Селедку забирали в губах, грузили улов на днища ел, пересыпали в бочках крупной желтоватой солью — ее, обыкновенную, ходоковую, распространенную, как хлеб и вода, селедку; ту самую, что едят с луком и безо всякой экзотики.

... По ночам мой спутник жадно и испытующе смотрел на небо. Он искал северное сияние. Но сияние не подчинялось мурманскому коммухозу и провести его обязательным постановлением по небосводу не представлялось возможным. Зато вставало зарево больших огней города и порта.

Все это, с точки зрения моего спутника, было не то. Обыденно. Слишком просто. Ничего заполярного.

В городе и за его чертой торопливо воздвигались новые кварталы домов, как воздвигаются они и на Магнитке, и в Челябине, и на Днепровском строительстве. В городе строили новую гостиницу. В порту — судоремонтный завод. В Доме культуры по-столичному ставили „Холопку“. Проводили политдни. В технических комнатах клубов играли в шашки и шахматы. Писали в стенгазете „Судоводитель“ пожелания:

1. Товарищу Карельскому. Выказывать меньше культурность выворачивать фразы с матом; а больше налечь на учебу.

2. Молодой библиотекарши, потише обсуждать любовны вопросы с молодыми людьми“ и т. д. и т. д.

А экзотика?

Ее не было и в порту. Степенно дымили у доков наши и иностранные „киты“. Заурзанные паровозы-маневрушки таскали платформы по эстакадам. Тянулись к шлагбаумам обозы с грузом.

В кабинете у начальника порта говорили о какой-то известке и отсыревших бревнах; сверяли дубликаты; посылали гневные молнии тресту „Апатит“. Экзотики не было в этом никакой!

И даже океан, седой лохматый океан, назывался скромно и буднично морем, Баренцовым морем...

В окрисполкоме мы познакомились со старым краеведом. Одиннадцатый год работает он в этих краях. Старожил.

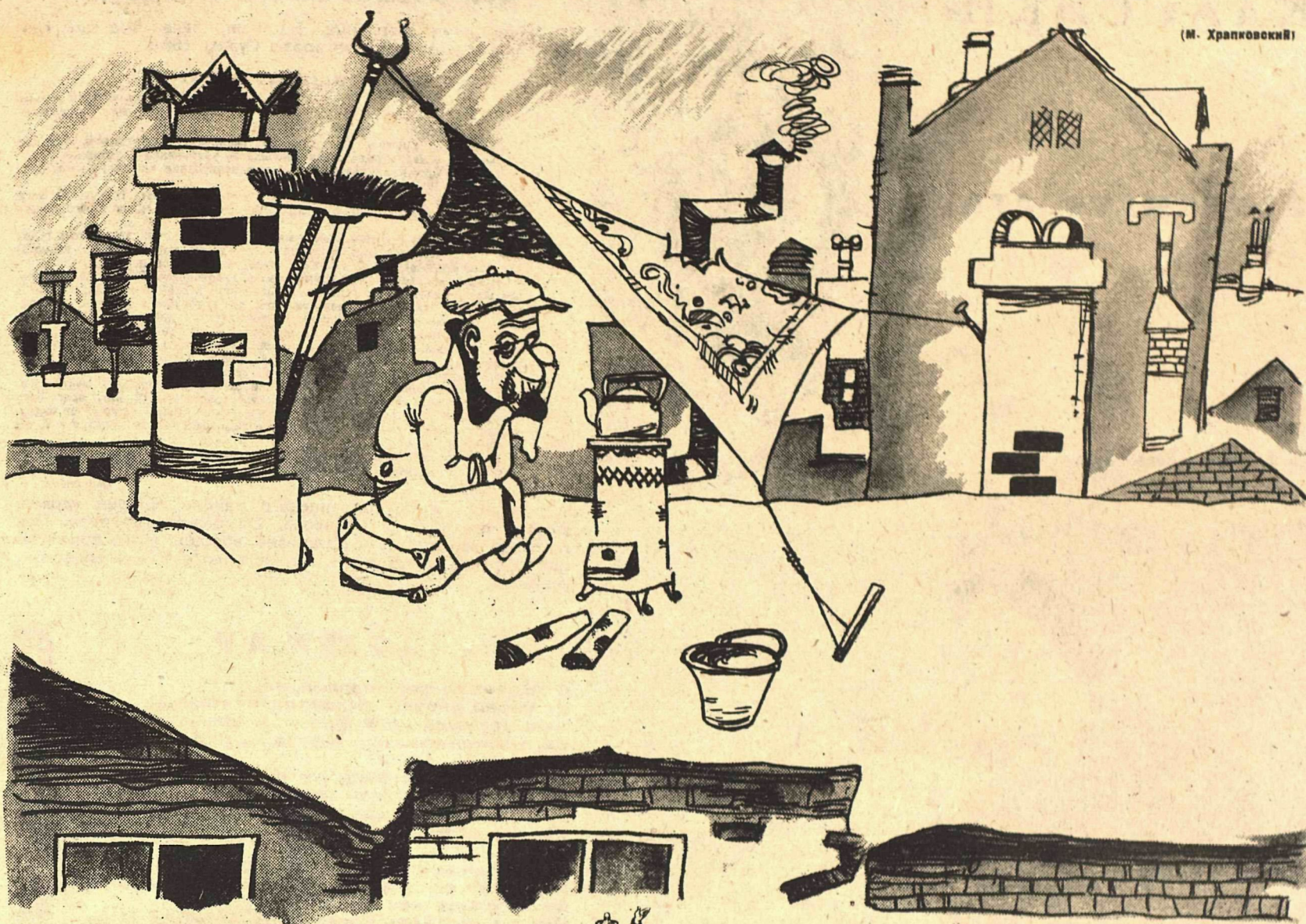
Мой спутник тотчас ухватился за краеведа, как за спасательный круг. Но краевед оказался воплощенным опровержением.

— Клюква? Какая клюква?! — волновался он. — Какие сорок сортов? Ах, эти — открытые известным писателем Пильняком! Извините меня, брусника есть у нас, но никакой клюквы нет и не было. Или вот еще на-днях было сообщение о найденных где-то в Кандалякше залежах кирпича. Ну, знаете, за такое открытие да этим же кирпичом...

Краевед тяжело дышал. Чеховская прическа разметалась. Говорить с человеком в таком его состоянии еще и о китах и полярных волках было бы не слишком деликатно. Мы расстались.

Из Мурманска мы уезжали в Хибины. Нас дружески провожали местные товарищи.

— Давайте условимся! — просили они на прощанье. — Пишите в ваших изданиях только

„ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ“

— Зачем вы на крышу перебрались?
— Тут надстройка скоро будет, так это я, чтоб площадь не захватили.

о том, что вы видели,—не отпугивайте людей выдуманными ужасами тундры, легендами о вечных ночах и сплошной цынгле. Нам люди очень нужны. Работа большая. Город молодой. Край растущий. Перспективы огромные. Людей нехватает. И еще большая к вам просьба — ни звука о китах. Все внимание селедке!

— Опять о селедке! — досадливо поморщился мой лирический спутник.

... Мы прибыли на пропахшую керосиновыми мангалками станцию Апатиты. Здесь была пересадка. Под ногами лежал сухой глубокий снег. И отсюда железная ветка в 25 километров уходила в гущу, в глущь и глущь, к чорту на кулички.

— Снег,—впервые удовлетворенно сказал спутник,—сугробы!

Началась посадка в хибиногорский состав.

... Грузно беря под'ем, состав потащил нас вдоль еловых чащ, отвесных гор и черных речек в белейшем, глубочайшем снегу. Теперь-то мы ехали в неопровержимую глущь.

И спутник, извлекая из кошелечка кобуры свой дамский браунинг, предусмотрительно проверял механизмы. У окна рядом с нами стояла молодая, нарядно одетая женщина.

— К мужу едете?—спросил ее мой общительный, мой романтический спутник.

— Нет, — улыбнулась женщина,—я здесь живу. Я преподаю в консерватории.

— Я вас не совсем понял? — переспросил спутник.— Живете вы в Хибиногорске, а преподаете в консерватории. Хибиногорск здесь, а консерватория?..

— ... В Хибиногорске!

Спутник выпучил глаза.

Но мы уже приехали. Тундра по всем радиусам отступила. Гудел автобус. Шли прохожие в валенках, с портфелями. Пели фабричные гудки. А когда стемнело и зажглись огни звукового кино, и зажглись огни техникума и огни банно-прачечного комбината, показалось нам, что мы не в далекой тундре, а на улице Красных зорь в Ленинграде.

Но и дома, и улицы, и весь этот город-обновка, — все это служило бы только базой ОПТЭ, если бы рядом не гремел мощными бремсбергами горно-химический комбинат—детские пятилетки.

— Мы у подножья знаменитой горы Расвумчорр, за Полярным кругом!!!

Спутник почесал переносицу:

— Ну что вы все — за Полярным кругом, за Полярным кругом? От Полярного вашего круга, кажись, одна станция на Мурманской дороге осталась. А круг—уж и не знаю, куда сдвинули. Это я, пожалуй, и в Бобринки мог бы с'ездить, под Москву. И еще куда-нибудь поблизости. Вообще, знаете, у меня такое ощущение, словно мы не на крайнем севере Советского союза, а просто приехали в соседнюю с Москвой большую промышленную область!

Он помолчал и добавил мечтательно:

— А ведь здесь орлы парили. Олени бегали!..

... Мы возвращались восвояси.

Незаметно в „сплошной“ полярной ночи пересекли Полярный круг. В черном провале вагонного окна золотым роем летали искры, а вдоль дороги жирным пунктиром вытягивались огни больших новостроек, красные зарницы пущенных заводов, разрозненные огоньки лесных хозяйств, совхозов.

— Ну, я пошел спать!—сказал спутник, взбираясь на верхнюю полку.

— Смотрите, не проспите восход солнца. Мы уже не за Полярным кругом!

— А, какая разница! — махнул рукой мой разочарованный искатель экзотики.

ЗАДАЧА

Объявление в общежитии N-ской части связи:

„Доводится до сведения, что неуплатившие за детей деньги должны уплатить не позднее 15 декабря. Стоимость ребенка 37 рублей.“

Командант Павлов“.

Дана стоимость одного ребенка. Спрашивается, чему равна стоимость одного неграмотного команданта?

ЗАЩИТНИК

В газете „Сталинец“, Саркинского района, Уральской области, появилось такое объявление:

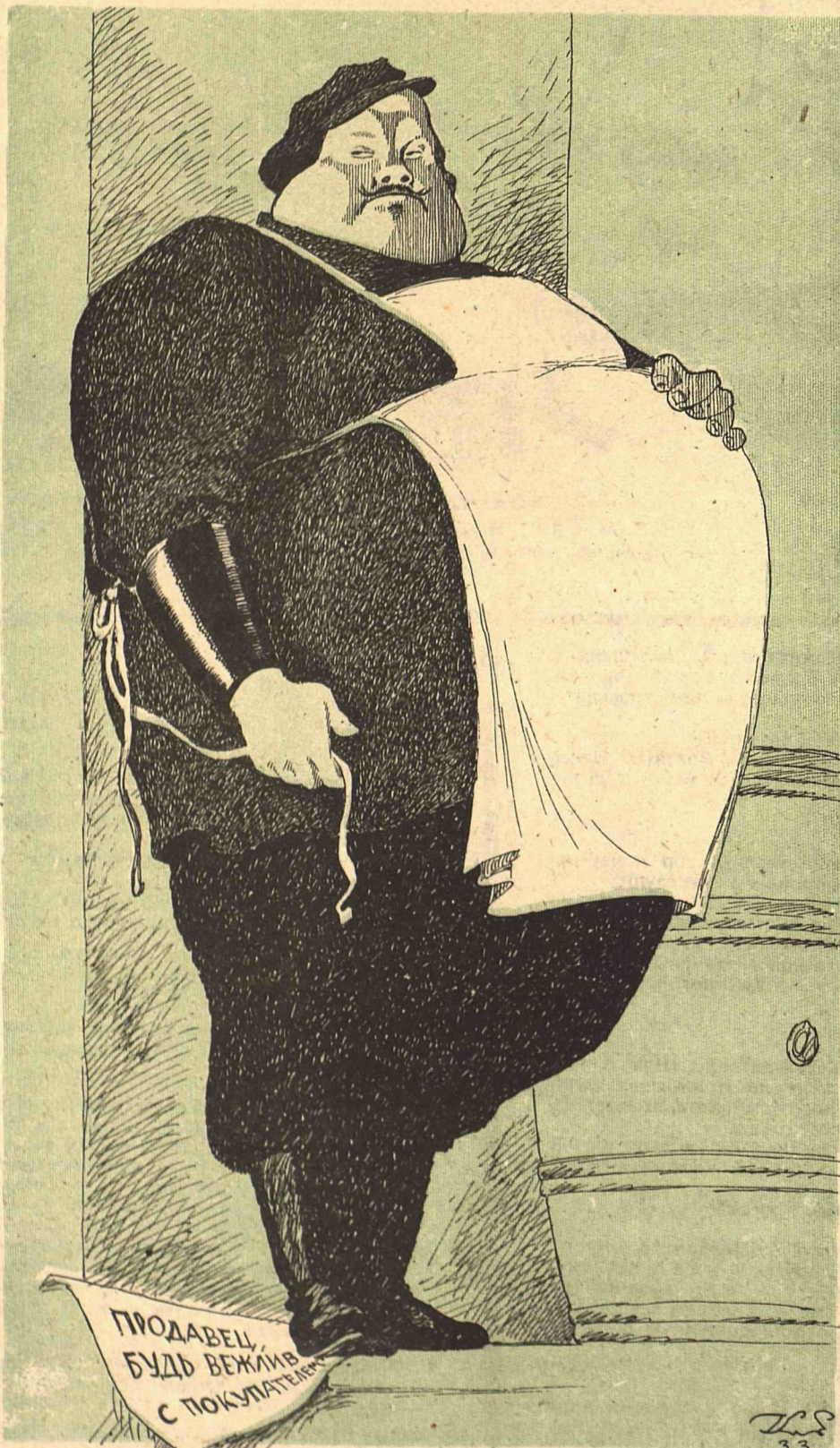
„В дополнение к объявлению начальника работ по водоснабжению г.Сатки, опубликованному в газете „Сталинец“ 10 декабря сего 1932 года в предупреждение избежания несчастных случаев при производстве изыскательных работ на пруду, ставлю в известность, что всем утонувшим в местах огороженных начальником работ вежами от оказания юридической помощи в административные органы отказываюсь и выступление в судах СССР защиты снимаю.“

Член Уральской Областной коллегии защитников по Саткинскому району — РАДЛОВ“.

Утонувшие — что, они в защите не нуждаются.

Но вот у нас возникают сомнения, сможет ли такой защитник помочь живому клиенту?

(К. Елисаев по Веласкесу)

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Перед нами заявление. Впрочем, заявление ли? Нет это целое стихотворение в прозе. Судите сами.

В ПУСТОШКИНСКОЕ РАЙОНЕ

учителя Копыловской школы Натансона Льва Сидоровича

заявлено.

Прошу мое прежнее заявление об увольнении уничтожить, так как изложенные в нем мотивы моей просьбы об увольнении — устарели.

В то же время настаиваю на своем увольнении по следующим причинам:

1) Окончил старую школу и методически не подкован, так что не могу представлять какой-либо ценности для вновь строящейся политехнической школы.

2) Отец живет в Ленинграде и мать тоже собирается переезжать туда, так что и мне хотелось бы устроиться там же, тем более, что не оставил мысли о поступлении в специальное учебное заведение.

3) Страдаю хроническим ревматизмом, хроническим бронхитом и склонностью к разным простудным заболеваниям, в особенности носоглотки и связанной с ней ушной полости, так что пребывание в открытой сельской местности, в особенности Пустошкинского района, где постоянно дуют сильные ветры, является губительным для моего здоровья.

4) Не обладаю природной склонностью к занятиям с детьми, вследствие чего не удается подчинить их своей дисциплине, что в свою очередь ведет только к бесполезной растрате сил.

При этом обращаю ваше внимание на особую нежность моего организма и малое количество сил вообще (достигши 30 лет, всего весу 3 пуда 25 ф.). В результате чего в настоящее время ощущается издерганность нервной системы и различные симптомы (вроде колотья и т. п.) в области сердца.

На основании всех вышеизложенных причин и прошу разрешить вопрос об освобождении меня от обязанностей учителя в ближайшее время.

5/XII-32 г.

Л. Натансон.

Товарищи из Пустошкинского района! Скорей удовлетворите просьбу Л. Натансона. Он безусловно прав. При такой „нежности“ его организма вообще, и его политического уровня в частности, ему не подобает быть советским учителем.

КОШМАР

В смятении мой бедный ум,
Из горла рвется страшное стенанье.
Был неужели прав философ Юм —
Он, сомневавшийся в своем существованьи?

И я на-днях вступил на скользкий пути
В своей реальности порядком усомнился.
Друзья! Жена! Скажите кто-нибудь:
Я — это я? Иль я себе приснился?

Я об'яснюсь: виновен Пьер Берлан —
Из „Тан“ спецкор (солиднейшей газеты) —
Он в голову мне напустил туман
(Но голова? Есть у меня иль нету?).

Он рассмотрел Союз со всех сторон,
И факты все зажав в тугую горстку,
Он заявил, что это просто сон —
Чугун Кузнецка и Магнитогорска,

Что не добыли мы ни капли чугуна...
Мой мозг горячим оплывает воском!
Я на жену смотрю: жена иль не жена?
Я на почетную смотрю с сомненьем доску!

Доска чугунная. Прислали мне ее
С далекого Магнитостроя...
Зачем, товарищ Гугель, ты литье
В подарок мне прислал чужое?

Нет, в голове какой-то заворот!
И я, наполненный таким сумбуром,
Приехал на Автозавод
Весьма растрепанной, признаться вам, фигурой.

Зашел в литейную. Литейный двор
Завален грудями какого-то металла.
Скользил по нучам машинально взор.
Вдруг — трах! И боль мне сердце сжала!

Я зацепил ногой. Сверкнули сотни лун.
Удар о грудь не смягчила кепка.
И кто-то мне сказал: „Споткнулись о чугун
Магнитогорский? Крепко?“

Забыл под глазом я пощупать фонари,
И с мозга пелена упала.
Я сердцем радостным благодарил
Столь близкое „общение“ с металлом.

Я существую! Я — ведь это я!
Чугун не проломил чуть лоб мне,
Магнитка сотни тысяч тонн литья
Дает уже! И ты, Берлан, хоть лопни!

Чугун уже в моторы перелит,
Уже вошел в станки, машины, трубы.
И лоб хотя изрядно мой болит,
Хулу не изрыгают губы.

Я провожу горячею рукой
По чугуну, как по щекам любимой!
Пред убедительной реальностью такой
Ты сам, Берлан, онажешься лишь дымом!

КУЛАЦКАЯ ТАКТИКА

(А. Топиков)

— Как же это, кум? Ты говорил, что колхоз развалится, а сам вступаешь?
— Для того и вступаю.

БАРТАШЕВИЧ

Значит, служит одна гражданка в производственном отделе. В городе Острогжске.

Ну, начальство над ней, как нам пишут, некто такой, может быть, знаете, Барташевич С. М. Наверное, Семен Михайлович. Или Сергей Михайлович. Не знаем. Не имели счастья лично познакомиться.

Вот, значит, служит она в производственном отделе Разнопромсоюза. Тоже не знаем, чего это такое и с чем это кушают.

Вот она служит. Проживает в Острогжске. А муж у ней, между прочим, в другом городе. В Красной армии.

Ну, конечно, неудобство. Муж в одном городе, жена — в другом.

Только раз однажды приезжает ее муж в Острогжск. И говорит, дескать, кончен бал, — я за тобой приехал. Собирай вещицы и ребят, — поедем и будем совместно жить в моем городе. А то, говорит, мне поднадоела такая семейная жизнь на разных планетах.

Ну, естественно, жена обрадовалась, сложила вещицы, побежала на службу и подала заявление, дескать, оревуар, до свиданья, за мной муж приехал. Не скучайте.

Некто Барташевич, ее начальство, вызвал ее к себе и так говорит ей грудным голосом:

— Конечно, ясно, если за вами муж приехал, конечно, мне придется вас отпустить. Только, может быть, вы врете, наворачиваете?

— Нет, говорит, ей богу, честное слово, приехал. И мы всей семьей уезжаем.

Барташевич говорит:
— Знаете чего, приведите вашего супруга сюда. Я хочу на него, наглядно посмотреть и удостовериться. И тогда я вас уволю со спо-

койной совестью. А если он не явится, тогда валяйте, служите дальше.

Ну, конечно, побежала супруга до своего мужа.
— Вот, говорит, Володя или там Петя, — канцелярия тебе велит явиться. Хотят удостовериться.

Боец говорит:
— Да что вы обалдели! Что это — командир полка, что я ему являться буду. Вот еще.

Но все-таки пошел. А ну их, думает, к чорту, — явлюсь. Их не переделаешь.

Взял и явился.

Неизвестно, какой у них там с Барташевичем разговор состоялся. Наверное, поздоровались. Барташевич папироску предложил. Или, скорее всего, взял папироску у нашего бойца. Ну, конечно, пятое-десятое. Дескать, вы, что ли, муж? Уезжаете? Подтвердите, что это ваша жена и вы хотите с ней уехать в другой город.

Ну, наверно, еще про погоду разговорились, про искусство, про успехи культурного роста. И разошлись.

Нет, этот Барташевич не бюрократ, не канцелярский волокитчик! Другой бы на его месте — любитель бумажек — разные удостоверения потребовал, пятое-десятое. А этот поглядел, поговорил и без всякой переписки отпустил человека из душной канцелярской комнаты.

Даже к делу не пришли нашего бойца. Очень гуманно поступили. Не оскорбительно.

МИХАЛ МИХАЛЫЧ

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ ● Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ ● Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 90 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 93 Сдача текста и рисунков — 11|1. Подпись к печати — 15|1. Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В — 45.170. 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суевский вал, 49. Зак. № 125. Тираж 400.000.

Оформление Л. Бродаты. Журнал набран и отпечатан во 2-й тип. изд. ЦК ВКП(б) „Правда“. Фотохемия — П. Мягков. Ре- продукция под руководством Г. Жимеркина и В. Крылова. Мон- таж А. Федосеева. Зав. печат. отд. — Д. Егоров и А. Давыдов.

42
25/1

3121

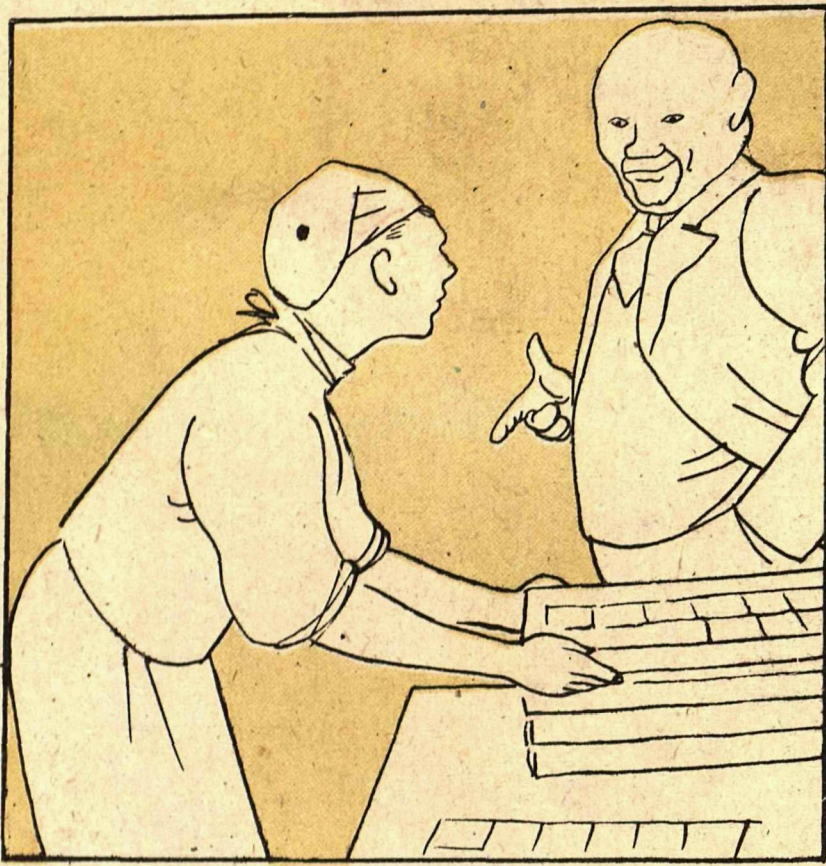
АРХИВ
27 ОКТ 1933
А. Г. Ц. К. П.

Для сокрытия виновности в браке многие организации не ставят на изделиях своих штампов.

Н

БИСКВИТНОЙ ФАБРИКЕ

(Л. Гонч)

Не забудьте вложить свой номерок...

Укажите номер станка...

Приложите список изделий...

Но ни в коем случае не указывайте название и адрес фабрики...